

«ПОКАХОНТАС» ДЛЯ РЕЛИГИОВЕДОВ¹

Алексей Зыгмонт²

Грэм Харви — известный исследователь анимизма, тотемизма, шаманизма и прочих так называемых религий коренных народов, автор и редактор самых современных и передовых монографий, сборников и учебников на эту тему. Его книга «Секс, еда и незнакомцы»³, перевод которой опубликовали в «НЛО», — работа скорее методологическая и педагогическая, чем эмпирическая. В ней он предлагает переосмыслить само понятие религии и подумать над тем, «чему мы учим несчастных студентов».

На протяжении книги Харви постоянно критикует тех религиоведов, которые пытаются «уподобиться всеведущему христианскому божеству» (С. 119), и заявляет, что идея научной объективности, по сути, теологическая (С. 74). Сам он очень долго прожил в своем исследовательском поле и вроде как отстаивает включенный подход, близость к предмету изучения и соучастие. Что это значит на практике, я попробую объяснить дальше, а пока без лишних претензий на божественное всеведение скажу, что книга кажется мне плохой. Это никоим образом не умаляет заслуг переводчика, научного редактора и издателя и не значит, что ее не нужно читать. Работа представляет важный пласт современных исследований религии и предлагает нужный взгляд на предмет — просто ее недостатки затмевают достоинства. Но пойдём по порядку.

Религия как поедание колбасы

Если коротко, у книги два основных лейтмотива: один из них, безусловно, верен и полезен (хотя и с оговорками), а второй настолько вздорен, что, кажется, даже сколько-нибудь серьезного вреда принести не способен.

¹ Изначально рецензия была опубликована в интернет-журнале Bookmate Journal под названием «Религия — не вера в Бога?». Автор благодарит издание за любезное разрешение использовать его вновь.

² к.филос.н., редактор АНО «Большая российская энциклопедия».

³ Харви Г. Секс, еда и незнакомцы. М.: Издательство «Новое литературное обозрение», 2020.

Первую идею можно сформулировать так: религия — это не то, что говорят священные тексты или духовные лидеры, а то, что люди делают в жизни, и нам следует уделять больше внимания ее материальной и практической сторонам. Иначе говоря, иудаизм, как прекрасно показано в девятой главе, — это не столько идеи, сколько то, как люди ведут себя у гробницы рабби Шимона бар Йохая; как они одеваются, отращивают пейсы, используют разные кастрюли для мясного и молочного, раскачиваются при молитве и танцуют; как они относятся к незнакомцам, едят, ставят особые шалаши на Суккот, зажигают свечи и спорят о том, можно ли в шаббат заварить чай из пакетиков. Это касается и остальных религий: мусульмане отращивают специальные бороды, покупают халяльную колбасу, совершают омовение перед молитвой и носят шапочки; буддисты делают пуджу монахам, крутят молитвенные барабаны, не едят крупных животных и так далее.

Именно этот тезис исчерпывающе отражен в подзаголовке книги: «Религия как повседневная жизнь». Автор пишет, что «религия определяет те отношения, которые направляют, объединяют и вдохновляют людей в их повседневных делах в этом материальном мире» (С. 15). Конечно, люди обычно знают, что делают, и любят об этом поговорить, однако ошибочно полагать, будто их жизнью всегда руководят какие-то высокие идеи или догматы. Обращение к «живой реальности» религий как исследовательская программа — несомненное достоинство книги и тезис, который можно лишь поддержать. Другое дело, что нормальные религиоведы, в особенности полевики, никогда по-другому и не думали: в хороших исследованиях российского православия есть, например, анализ одежды, осанки, походки православных, рассказы об иконках, листовках, четках, практиках сжигания паспорта в микроволновке, купании в святых источниках, потреблении святой воды и освященного масла, охоте за просфорами и прочее. Хорошие исследователи религии и насилия знают, что для понимания этой темы надо не лезть в Библию, Коран, Тору или постановления Вселенских соборов, а идти и беседовать с религиозными террористами, будь то христиане, мусульмане, иудеи, сикхи или буддисты. Имеет ли

смысл долго обсуждать плохие работы, представляющие плохие исследовательские программы, — вопрос, который можно оставить за кадром.

Христианство и грязные игры с читателем

До определенного момента о книге хочется говорить только хорошее — если точнее, до третьей главы, в которой речь заходит о христианстве. В ней автор с ходу выдвигает «провокативный тезис»: поскольку в христианстве огромное внимание уделяется вере и конкретным предметам веры — это не религия. Харви справедливо утверждает, что концепт веры — изобретение христианства и что религиоведы зачастую пытаются кроить другие религии по его образцу как «веру в Бога», но в итоге заключает: «Надеюсь, достаточно ясно, что ядром христианства является вера» (С. 87). Или далее: «Если христианство... есть только вера... его следует назвать „вероисповеданием“ или „вероучением“, но не религией» (С. 95) — потому что в нем, дескать, отсутствуют или ущемлены определяющие религию материальные и деятельностные элементы.

Судя по этой главе, автор критикует теологов, которые говорят, что христианство — это только вера, но в итоге сам повторяет то же самое. По ходу чтения я сочинил автору гневную отповедь на тему того, что христиане такие же религиозные люди, как и все прочие: если бы он понаблюдал, как православные спорят о погружении в святой источник (три раза или три раза по три раза?) или внезапно решают, что конфеты «Белочка» или «Марсианка» — постные безотносительно их состава, то все сомнения отпали бы сами собой.

Однако спустя страниц 200 выясняется, что вся глава — это такой трюк, некрасивый жест, и что на самом деле автор не считает, будто христианство не религия. Одиннадцатая глава начинается так: «Цель этой сравнительно небольшой главы — показать, что сформулированное мною ранее утверждение, в соответствии с которым христианство не является религией, было ложным» (С. 289). И чуть дальше: «В конце концов, христианство — такая же религия, как и все остальные... оно имеет дело с телесностью, пространственностью, действием» (С. 290). Затем автор наконец милостиво

обращает внимание на то, что я уже перечислил: материальные атрибуты христианства, его ритуальную составляющую и прочее. Однако, даже перечитав обе главы несколько раз, я так и не понял, к чему эти ужимки и на кого они были рассчитаны — на профанов или студентов.

Просто для справки добавлю, что все рассуждения автора о мученичестве, которое то ли за веру, то ли не за веру, основаны на единственной книге (вышедшей в 1998-м «Belief» Дональда С. Лопеса) и никуда не годятся. В современных работах — я мог бы привести обширную библиографию, но не буду — от такой постановки вопроса давно отказались как от надуманной.

Уважение к камням и Латур-анимист

Однако большая часть книги посвящена тем формам религии, в которых автор разбирается лучше всего: анимизму, тотемизму и шаманизму коренных народов Африки, Северной Америки и Новой Зеландии. Именно с ними связан второй главный тезис Харви, вызвавший у меня глубокое недоумение.

Описывая материальный, деятельностный и проживаемый в реальном мире анимизм, автор совершенно некритично (то есть слово в слово) пересказывает объяснения самих анимистов, которые явно сверх меры ему симпатичны. Что-то подозрительное есть уже в восторженном описании гостеприимства маори, когда люди будто бы «делят общее дыхание и пересоздают друг друга из незнакомцев в гостей и хозяев» (С. 169). Местами это описание переходит в совсем уж включенную личную тираду автора: «Деревья, люди и все обитатели Земли существуют в воздухе, благодаря воздуху, совместному дыханию, они укоренены в почве, делят питательные вещества, преодолевая видимые границы» (С. 168). Это же касается и прочих приводимых в книге пристрастных и слащавых описаний религии коренных народов «как повседневной жизни»: случайная встреча с орлом «провоцирует спонтанные выражения уважения и благодарности и включена в межвидовые отношения взаимности и обмена» (С. 188–189); «распространенное у коренных народов по всему миру понятие “уважение” наилучшим образом сосредоточивает в себе то,

как следует вести себя одним личностям по отношению к другим в одушевленном мире» (С. 203). Или, скажем, современный языческий ритуал называется «попыткой реализовать в реальном мире этот основанный на взаимоуважении стиль жизни» (С. 273).

В конечном счете выясняется, что автор абсолютно согласен с анимистическим представлением о том, что трава, камни и животные — живые, личностные и социальные существа. Позволю себе привести характерный пассаж из 12-й главы:

«Из предположения, что мир основан на связях, а не на картезианстве, следует множество выводов. Вот четыре самых важных из них:

— Этот мир населен только социальными существами.

— Наша (людей) первая необходимость — договариваться с другими личностями (большинство из которых не является людьми).

— Преимущественно переговоры имеют целью уважение или противостояние.

— Наиболее значимый исход переговоров — открытость к дальнейшим отношениям» (С. 313).

Харви будто бы вдруг смешивает акторно-сетевую теорию Бруно Латура (АСТ) с ее акторами и актантами — и анимизм. В АСТ трава и камни могли бы быть акторами, но не личностями в человеческом смысле. Всю первую половину книги религиовед, в общем-то, справедливо пишет о проживающих религию людях, но стоило речи зайти о камнях, как дело принимает дурной оборот.

Собственно, здесь мы приходим к той самой второй идее автора — его новому определению религии: Харви говорит, что это «воплощение уважения, должный этикет, преодолевающий границы вида» (С. 325) или попросту «этикет межвидового общения», бытие человека как личности в мире других личностей, большинство из которых — не люди. Подобное утверждение, возможно, верно для анимизма или тотемизма, на которых специализируется автор, но оно не имеет никакого отношения к христианству, исламу, иудаизму, зороастризму, буддизму, вере бахаи, индуизму и прочим религиям мира, которых обычно не заботят ни «уважение», ни «совместное дыхание», ни «личность полыни».

Всю первую часть книги Харви твердит, что нельзя определять религию исходя из одной частной традиции, но как раз это в итоге и делает, из всех определений выбрав самое абсурдное и при этом соответствующее его внутреннему настрою. Впрочем, Харви и не скрывает своей пристрастности: критикуя западную науку, он пишет, что «отделение нас от мира предполагает, что мы лишь отчасти вовлечены в лишь отчасти понимаемую реальность. Сама попытка быть объективными приводит к этой неполноте. Вместо этого мы можем поэкспериментировать с потенциальной ценностью близости с каким-то другим миром, которому неведом картезианский разрыв» (С. 151). Сам я, в отличие от автора, не «простирался перед богами» и не «собирал полынь с уважением» — и поэтому не вижу, почему должен ему доверять.

«Покахонтас» для религиоведов

Во вполне себе академических рецензиях автора уже обвиняли в манихействе: столь радикально он противопоставляет «современного человека» — стихийного протестанта, страдающего от отчуждения и виновного в колониализме, — «благородному дикарю», который укоренен в природе и с уважением относится к травам, камням и животным, поскольку считает их личностями. Религия для него — не что-то искусственное, а естественная форма бытия-в-мире, способ даже не прикоснуться, а оставаться на одной волне со всем живым. Однако эту историю мы уже слышали, и не раз: под видом научной концепции автор, по сути, пытается продать нам «Покахонтас» или «Аватар», выступая в роли того самого капитана или морпеха, который, будучи изначально посланцем мира отчуждения, преклоняется перед естественной жизнью анимистов, которые не верят, а просто знают о единстве живого, поскольку у них есть Бабушка Ива, коллективное самосознающее дерево Эйва и все такое.

Подводя итог, повторяюсь, что идея религии как повседневной жизни является, безусловно, верной и полезной — как и замечания Харви о проницаемости границ той или иной религии или его критика синкретизма. В книге присутствуют отдельные интересные

описания религии или обрядов коренных народов, встречаются ценные замечания по целому ряду вопросов. Однако его бесконечная и бесплодная критика в адрес научной объективности, запелляционные ссылки на (теологов!) У.К. Смита и Уильяма Кавано и несуразное переопределение религии почти убивают эту работу — а жаль.

Впрочем, это всего лишь мое картезианское, свехотделенное, западное, пропитанное скрытым протестантским теологизмом мнение, напрочь лишенное уважения ко всему живому. Поэтому лучше прочтите «Секс, еду и незнакомцев» сами и составьте свое.